

занятия? Но литература не давала ни денег, ни званий, а поэзия к середине 1840-х годов и вовсе стала непопулярной. Остаться в столице и служить за гроши каким-нибудь домашним учителем? Но Фет привык с детства считать себя столбовым дворянином и не хотел так просто лишаться этого звания. Он вовсе не был по натуре ни романтиком, ни мечтателем; напротив, всегда «ставил себе ясные цели и неуклонно к ним стремился». Так заметил о Фете его друг и биограф Н. Н. Страхов. Сам Фет высказывался еще определеннее: «...Я всегда держался убеждения, что нужно разметать путь перед собою, а не за собою, и поэтому в жизни всегда заботило меня будущее, а не прошедшее, которого изменить нельзя».

И он сделал неожиданный шаг: в апреле 1845 года поступил унтер-офицером в Кирасирский орденский полк, расквартированный в глуши Херсонской губернии. Он ушел из литературы в армию, объяснив свой выбор весьма лаконично: «Офицерский чин в то время давал потомственное дворянство».

Забегая вперед, скажем, что и здесь Фету не повезло, хотя служить в армии ему пришлось 13 лет (до 1858 года). Первый офицерский чин он получил уже через год службы, — но за несколько месяцев до этого вышел манифест Николая I, по которому потомственное дворянство стал давать только чин майора (а в кавалерии — ротмистра). Упорный, Фет решил не отступать, но через 10 лет, когда заветный чин был близок, вышел указ нового царя, Александра II, в соответствии с которым дворянство давал только чин полковника, достигнуть которого в обозримом будущем было почти невозможно...

В провинциальную армейскую среду Фет вошел с трудом. Мешковатый, не блестящий военной выправкой, он хватил поначалу и муштры, и насмешек, и прямых унижений от недалеких вахмистров. Он тяготился казарменной скукой и однообразной жизнью в небольших южных селениях, куда не доходили книги и журналы... Но он поставил цель и твердо шел к ней по «размеченному пути».

За все на свете надо платить. Фет платил за свою мечту о дворянстве. Платил ненаписанными стихами и нерешенной судьбой. Иногда плата была чрезмерной. В одном из немногих стихотворений, опубликованных в 1846 году, он как бы предугадал эту плату:

*Офелия гнула и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.*

*И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.*

Два года спустя, в 1848 году, он познакомился с обаятельной и умной девушкой, Марией Лазич. Она влюбилась в Фета. Он, кажется, тоже, хотя здесь полноте чувства мешало сознание невозможности будущего счастья: и он, и она были бедны... А еще через два года, когда Фет был в служебной отлучке, Мария трагически

погибла: курила, бросила спичку — и на ней вспыхнуло кисейное платье... Погибая в пламени, ее охватившем, Мария просила сохранить его письма.

*Долго снились мне вопли рыданий твоих, —
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я — несчастный плач.*

*Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, — и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.*

*Подала ты мне руку, спросила: «идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.*

Эти фетовские стихи были написаны уже в 1886 году, когда та, давнишняя мечта поэта сбылась: он стал и богат, и сановен. Но «прошедшее», на которое он привык не оглядываться, не могло уйти просто так, а плата за «счастливое будущее» никак не могла забыться.

Да и стихи продолжали писаться. В 1850 году Фет выпустил небольшой сборник, имевший успех. А с 1853-го — когда был переведен в Гвардейский полк, расположенный вблизи Петербурга (в Красном Селе), и получил возможность часто бывать в столице — стал активным поэтическим «вкладчиком» ведущих журналов. Интерес к поэзии в те годы возобновился, стихи хлынули потоком на журнальные страницы, и когда Фет, коренастый и простоватый поручик, появился в редакции журнала «Современник», то принят был там с распростертыми объятиями и сразу сошелся с основным кругом сотрудников: Панаев, Некрасов, Тургенев, Боткин, Дружинин, Анненков, Григорович, чуть позже — Лев Толстой... Его стихи, потоком идущие в журналах, нравятся читателям и получают восторженные критические отзывы. В 1856 году выходит новое собрание стихотворений, подготовленное Тургеневым; Боткин и Дружинин откликаются на него обширными концептуальными статьями, в которых теоретически обосновывают «чистое искусство». Сам Фет вполне с ними согласен:

*Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.
Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, — человечно.*

«Там, где обыкновенный глаз не подозревает красоты, — замечал Фет в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859), — художник видит ее, отвлекает от всех остальных качеств предметов, кладет на нее чисто человеческое клеймо и выставляет на всеобщее уразумение». А эту самую красоту не так-то просто отыскать: